

М. А. Поляковская*

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ XIV в.: «ТЕАТР ВЛАСТИ»

Византия XIV в. – это небольшое европейское государство, утратившее свои восточные территории, обладание которыми приносило ей славу великой державы. Кризисное состояние экономики (прежде всего городской) было во многом определено приоритетом в этой сфере итальянских купцов, давно уже сдвинувших вектор как внешней, так и внутренней торговли в желанную для них сторону.

Предошущение грядущей катастрофы у византийцев-ромеев было связано все же не с падением уровня жизни, а скорее – с внешнеполитической угрозой. Турки медленно, но неуклонно захватывали византийские территории, одновременно разлагая правящую элиту империи созданием временных блоков то с одной, то с другой группировкой¹. Если же вспомнить понимаемые современниками как предзнаменование конца света эпидемию чумы, землетрясения и засухи², а также полные драматизма религиозные дискуссии, наши представления о состоянии поздневизантийского общества приблизятся к некоторой степени их адекватности реалиям.

Хотя империю XIV в. можно было бы ассоциировать лишь с ее столицей, официальные документы, а вслед за ними и придворная риторика прославляли Константинополь как центр великой державы. А между тем существование самой империи уже было близко к мифу, и имперская идеология являлась по сути дела единственной цементирующей основой совершенно «разбалансированного» общества. Стержнем же политической идеологии была императорская идея (Kaiseridee)³.

В трудное для империи время власть в целях самосохранения обращалась прежде всего к идеологической составляющей ее политики. Император, именуемый в официальных документах василевсом и автократом, находился в центре всей политической системы империи. Византия представлялась ее жителями как центр ойкумены, как *Pax Byzantina*, *Pax Christiana* – в развитие римской идеи *Pax Romana*. Столица империи, ставшая «вторым», или «новым» Римом, наследуя авторитет Древнего Рима, укрепляла его тем, что стала очагом христианства. Византийская политическая идеология была ориентирована на официальную концепцию ойкуменизма⁴.

* Поляковская Маргарита Адольфовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Werner E., Markov W. Geschichte der Türken von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 1978. S. 22–38.

² См.: Поляковская М. А. Эсхатологические представления Алексея Макремволита // АДСВ. 1975. Вып. 11.

³ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956; Hunger H. Proimion. Elemente der byzantinische Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wiener byzantinische Studien. Wien, 1964. Bd. I.

⁴ Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975. P. 51.

Императорский дворец был центром политики великодержавности. Магнит власти держал в дворцовом силовом поле представителей знати, чиновную иерархию, интеллектуалов и всех, кто мог надеяться на милость императора. Каждодневные и праздничные приемы сановников и чинов, звучавшие в стенах дворца речи, возносившие хвалу империи и василевсу, роскошь интерьеров дворца не могли не влиять на общественное мнение. Презентация власти становилась необходимым инструментом управления империей. Формой же презентации власти был церемониал.

Византийский церемониальный «сценарий»⁵, вне зависимости от ситуационного фона (прием во дворце, выход «в народ», коронование, свадьба, введение в должность), многократно «тиражировал» официальную концепцию величия империи и торжества императорской власти, создавая через эффект ритуального действия харизматический идеал правителя⁶. Театр власти был в значительной степени сакрализован, особенно в эпоху Палеологов, когда снижение авторитета Византийской империи (не только в контактной зоне, но во всей Европе и в странах Передней Азии) компенсировалось возвышением ее значимости через достигший к этому времени своего апогея православный литургический ритуал. Сакральная аура способствовала созданию образа императора, стоящего над миром, выше мира, связанного незримыми духовными нитями с Верховным Правителем – Господом. После литургии коронования василевс воспринимался как «облаченный властью», как «помазанник Божий»⁷. Ритуальное признание особых достоинств коронуемого («Свят!», «Достоин!») создавало высокий уровень сопричастности каждого к литургическому действию, а это способствовало эффекту репрезентации в умах подданных идеи священной империи и божественной императорской власти.

Перманентно длящийся ритуальный спектакль – в больших или малых его формах – формировал особое, мифическое отношение к василевсу и империи. Веками создавался как церемониалом, так и всеми средствами коммуникативности политический миф о высоком предназначении власти. По замечанию исследователя византийского церемониала О.Трайтингера, в церемониале «политическое возвышено до мифического и религиозного уровней...»⁸. Не случайно список сановников императорского двора середины XIV в. завершается не соответствующей политической ситуации фразой: «Дай Бог, чтобы империя расширилась и император стал мировым властителем!»⁹. Византийский автор конца XIV – начала XV в., осозная, что империя территориально стала маленьким государством, писал однако в духе идеологии своего времени: «...если кто-то хотел бы идти до границ ойкумены, он услышал бы, что везде упоминается один патриарх вселенной, который в Константинополе, и только один император, который в

⁵ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра I до смерти Николая I. М., 2002.

⁶ Geertz C. Center, Kings and Charisma: Reflections on the Symbols of Power // Rites of Power, Symbolism, Ritual and Politics since the Middle Ages / Ed. S. Wilentz. Philadelphia, 1985. P. 13–16.

⁷ Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 30–108.

⁸ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 3.

⁹ Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introduction, texte et traduction par J. Verpeaux. P., 1976. P. 340 (далее – *Ps.-Kod.*).

литургии!»¹⁰. Французская исследовательница Э. Арвейлер определила византийскую политическую идею палеологовского времени как «национальную утопию»¹¹.

Если определить придворный церемониал как «театр власти», то следует обратиться к его сценарию, исполнителям ролей, их ролевым функциям, репликам, а также к предусмотренным сценарием костюмам и декорациям.

Сценариями «спектаклей» презентации власти были церемониальные книги (обрядники). В истории Византийской империи было две церемониальных книги. Одна из них – более яркая и детализированная – это «Книга церемоний»¹², записанная при Константине VII Багрянородном и отражающая ритуалы как ранневизантийской эпохи, так и последующего времени, вплоть до X в.

Обрядником же XIV в. является сочинение «О чинах константинопольского двора и должностях Великой церкви»¹³. Хотя сравнение по объему и охвату тем явно не в пользу второго из названных обрядников, однако именно он является основным источником информации о жизни императорского двора эпохи Палеологов. Композиционно обрядник XIV в. состоит из 12 глав, которые подчинены идее последовательной характеристики иерархии придворной знати и чиновников, ритуалов инвеституры, инсигний власти, а также приемов во дворце, выходов императора за его пределы и различных обрядов, прежде всего связанных с праздниками. Специальные главы посвящены коронации императора и избранию патриарха. В приложении даны, параллельно содержащемуся в обряднике списку должностей, сохранившиеся другие списки – из «Шестикнижия» Константина Арменопула, по Матфею Властарю, а также анонимный список (всего шесть списков). Завершает приложение описание коронации Мануила II Палеолога пера анонимного автора.

Автором обрядника XIV в. в первых его изданиях был назван куропалат Георгий Кодин, но позднее было признано, что это предположение ошибочно¹⁴. Несомненно лишь, что авторство принадлежит человеку, близкому к императорскому двору. За автором обрядника – в связи с его анонимностью – утвердилось имя Псевдо-Кодина¹⁵.

Может показаться, что сочинение Псевдо-Кодина было не реальным обрядником, а лишь литературным произведением. Но совпадение ритуала коронации с данными анонимного автора, описавшего коронавание Мануила II Палеолога, а также впечатления русского паломника Игнатия Смоленского, присутствовавшего на этой коронации, свидетельствуют в пользу того, что перед нами реальная церемониальная книга. Утрата же прямой последовательности с «Книгой церемоний» времени Константина VII Багрянородного вполне объяснима, ибо правление латинян прервало связь времен. Можно допустить, что сочинение Псевдо-Кодина имеет никейские корни, поскольку инициатива реставрации Византийской империи принадлежала правителю Никеи.

«Трактат о должностях» в то же время не является архаичным, оторванным от своего времени. В его тексте упоминаются ситуации, связанные с известными

¹⁰ Dieten J. L. Politische Ideologie und Niedergang im Byzanz der Palaiologen // Zeitschrift für Historische Forschungen. 1979. Bd. 6. H. 1. S. 4–5.

¹¹ См.: Ahrweiler H. L' idéologie politique... P. 51.

¹² Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantine libri duo Graece et Latine / E rec. J.J. Reiskii. Bonnae, 1829–1830.

¹³ Ps.-Kod. P. 133–287.

¹⁴ Verpeaux J. Introduction // Ps.-Kod. P. 25.

¹⁵ Ibid.

людьми XIV в. — это императоры Михаил VIII и Андроник II Палеологи, Иоанн VI Кантакузин, а также представители знати Иоанн и Мануил Асаны, Феодор Метохит, Музалон, Михаил Тарханиот, Никифор Хумн и др.

Внимание исследователей привлечено преимущественно к «Книге церемоний» Константина VII Багрянородного. Историография же обрядника XIV в. представлена лишь небольшим количеством исследований¹⁶ (в том числе и автора этой статьи)¹⁷. Слабая изученность обрядника XIV в. делает его особенно привлекательным при исследовании темы презентации власти в поздней Византии.

Прежде чем обратиться к церемониальным «спектаклям», бросим взгляд на украшающий их антураж — декорации и костюмы участников ритуалов. Местом действия в XIV в. был уже не Большой императорский дворец с его многочисленными зданиями, соединенными галереями и садами, как в X в., а находившийся в Северо-Западной части Константинополя дворец во Влахернах, построенный в предыдущие века как место загородного отдыха императора и его семьи¹⁸. Влахерны были довольно живописным местом. Одна из сторон «треугольника», каким топографически можно было представить этот район Константинополя, была берегом залива Золотой Рог, другая — западная — его сторона примыкала к полям и рощам, а на севере, за вершиной «треугольника», находилось Серебряное озеро.

«Декорациями» придворных презентаций власти были интерьеры Влахернского дворца и храма Влахернской Божьей Матери, а также площадь между дворцом и храмом. Разумеется, Влахернский дворец уступал в размерах и в убранстве интерьеров Большому императорскому дворцу (к XIV в. уже почти разрушившемуся). Однако парадный зал — Триклиний — блистал золотом декора стен и многочисленных светильников, роскошными тканями, декорирующими зал.

Храм придворной церкви Влахернской Богоматери при Палеологах занял место главного храма столицы — Св. Софии. Лишь на самые большие события — коронацию или свадьбу — императорская кавалькада отправлялась в храм Св. Софии, находившийся довольно далеко от Влахерн, в самом центре Константинополя. Интерьер церкви во Влахернах в XIV в. описал испанский путешест-

¹⁶ Андреева М. А. О церемонии «прокиписис» // *Seminarium Kondakovianum*. Praha, 1927. Vol. I; Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // *Art et société à Byzance sous les Paléologues*. Actes du colloque organisé par l'Association Internationale des études byzantines a Venise. Septembre 1968. Venise, 1971. P. 219; Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins l'époque Paléologue. Uppsala, 1994.

¹⁷ Поляковская М. А. К спорам о скаранике // АДСВ. 1995. Вып. 27. С. 41–45 (= Византия, византийцы, византилисты. С. 101–108); Она же. Диканикий как атрибут власти византийских архонтов // *Византийское государство в IV–XV вв.: Центр и периферия*. Тез. докл. XV Всероссийской научной сессии византистов. Барнаул, 1998. С. 63–65 (= Византия, византийцы, византилисты. С. 97–100); Она же. Эволюция парадного обеда византийских императоров (X–XIV в.) // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 157–172 (= Византия, византийцы, византилисты. С. 136–155); Она же. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 193–212 (= Византия, византийцы, византилисты. С. 156–186); Она же. Император и народ в Византии XIV в. в рамках церемониального пространства // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 314–321; Она же. Женщина в византийском церемониале XIV в. // *Albo dies notanda capillo: коллеги и ученики* — Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 51–57; Она же. Итальянские посольства в контексте поздневизантийского церемониала // *Византия в контексте мировой культуры*. Науч. конф., посвященная столетию со дня рождения А. В. Банк. Тез. докл. СПб., 2006. С. 29.

¹⁸ Поляковская М. А. Влахерны — резиденция василевса при Палеологах (в печати).

венник Руи Гонсалес де Клавихо: «...нефы этой церкви, главный и прочие, были сооружены так, что находились на высоких колоннах из зеленой яшмы, а основания, на которых они покоились, и основания (колонн) были из белого мрамора, украшенного разной отделкой и фигурами. Верх этих нефов и стен до половины были покрыты плитами разноцветной яшмы, искусно расписанной узорами и прекрасно украшенной. Верх главного нефа был богаче других и сделан из деревянных перекрытий и балок. И весь свод, перекрытия, балки покрыты чистым золотом»¹⁹. Считалось, что Влахернский храм – один из лучших в столице, но он уступал, несомненно, храму Св. Софии.

Немаловажной составляющей любого церемониального «спектакля» были костюмы исполнителей ролей – от императора до самого нижнего чина. Костюм был первенствующим элементом всей знаковой системы, определяющей роль каждого из актеров политического театра в жизни империи и двора. Читателю может показаться излишне затянутым описание костюмов императора и знати, но автор статьи стремится к тому, чтобы его экскурс в этот сюжет церемониала был адекватен пониманию Псевдо-Кодином значимости костюма в придворной жизни. В обряднике костюму посвящена целая глава²⁰.

В Византии XIV в. парадный императорский костюм, одеваемый в особо торжественные дни, был представлен саккосом и стеммой. Саккос имел многовековую историю. Во времена Константина VII Багрянородного это была называемая дивитисием туника, длинный и узкий в подоле наряд с довольно широкими, свободными внизу рукавами. Позднее этот наряд стал называться саккосом²¹. Д. Ф. Беляев определяет саккос как узкий мешок с отверстиями для головы и рук²². Саккос как форма парадной одежды надевался в дни особых торжеств – на коронацию, на Рождество, на церемонию прокиписиса, на Вербное воскресенье. К сожалению, Псевдо-Кодин лаконичен при описании цвета парадной императорской одежды. Надо полагать, что для праздничных дней предпочтительным оставался пурпур как традиционно императорский цвет.

В самые торжественные праздники саккос василевса дополнялся лором – широким поясом. Обычно при описании изображения императора на монетах употребляют формулу «саккос и лор»²³. История лора насчитывает много веков, восходя к трабее римских консулов²⁴. Первоначально это было полотнище одинаковой ширины, которое шло от подола до правого плеча, затем под рукой переходило на левое плечо и свешивалось с левой руки. Позднее, в силу увеличения на нем украшений, лор стал тяжелее и гораздо толще – его было затруднительно обвивать вокруг шеи. Лор стали делить на части: оплечье, вертикальная передняя полоса и пояс. Так что со временем лор стал соответствовать своему названию: слово «лор» означает именно пояс. В поздневизантийском император-

¹⁹ Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Перевод со староиспанского, предисловие, комментарий И. С. Мироковой. М., 1990. С. 141.

²⁰ *Ps.-Kod.* P. 141–166.

²¹ *Ibid.* P. 200.4; 201.11; 224.27; 256.25; 264.2. См.: *Piltz E.* Trois sakkoï byzantins. Figura, 17. Stockholm, 1976.

²² Беляев Д. Ф. *Byzantina II.* Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X в. СПб., 1893. С. 52–55, прим. 1.

²³ *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. Abschnitt I. Die Kaiserurkunden. München, 1968. S. 42.

²⁴ Беляев Д. Ф. *Byzantina II.* С. 212; *Ball J. L.* Byzantine Dress. Representations of Secular Dress in Eighth-to Twelfth-Century. «Palgrave MacMillan», 2005. P. 16–19.

ском парадном костюме он был неременной инсигнией власти²⁵. У Псевдо-Кодина мы не находим информации о лоре. Вместо упомянутой формулы «саккос и лор» в обряднике используется словосочетание «саккос и стемма».

Стемма была атрибутом поздневизантийского парадного костюма – саккоса²⁶. Этот венец представлял собой широкий золотой обруч с покрытием полусферической формы. В XI–XII вв. императорская корона еще называлась диадемой, являясь прообразом стеммы. Анна Комнина так описывала ее: «Диадема была украшена жемчугом и драгоценными камнями, одни из которых вставлялись в нее, другие подвешивались; с каждой стороны у висков, слегка касаясь щек, свисали цепочки из жемчуга и драгоценных камней»²⁷. В поздневизантийское время стемма имела более высокий обруч и тулью, напоминающую персидскую тиару²⁸. Дугообразные перекрытия короны увенчивались крестом из драгоценных камней²⁹.

Императорские одеяния были довольно тяжелы за счет златотканого декора и драгоценных камней. Может быть, именно в силу этого в церемониале был предусмотрен ритуал переодевания. Вспомним, что перед коронацией император облачался в парадные одежды уже в храме, скрытый от глаз присутствующих на церемонии специальным строением.

По особо торжественным праздникам император во всех других церемониальных ситуациях имел право выбора в отношении костюма и головного убора³⁰. Чаще всего это был рух: туника – обычно красного цвета – с вышивкой³¹ и драгоценными камнями³². Из-за характера декора она неоднократно названа Псевдо-Кодином «жемчужным рухом»³³. Руху соответствовал венец с цветами лилии и четверолистником по краю обруча³⁴. Каждодневному костюму мог соответствовать и такой головной убор как скиадей³⁵, представлявший собой венец с верхом из златотканой материи, вышитой жемчугом, и с подвесками³⁶. В императорском гардеробе была и калиптра, высокая шапка, покрытая дорогой тканью и украшенная жемчугом и драгоценными камнями. Псевдо-Кодин не назвал ее в своем трактате, но в трудах византийских историков она упомянута не единожды³⁷. Названа калиптра и Матфеем Властарем³⁸.

²⁵ Piltz E. Loros – ett byzantinskt insignium // Byzantina. Nordisk tidskrift för byzantinologi. 1972. Vol. 1. P. 8–15.

²⁶ Ps.-Kod. P. 198.18; 199.4.13; 200.2; 202.7; 224.26; 225.16; 259.3.12; 264.7; 268.5.19; 272.23; 274.16; 278.23; 355.7.13.21.

²⁷ Анна Комнина. Алексиада. III.4.

²⁸ Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства. Прага, 1929. С. 219; Ebersolt J. La miniature Byzantine. P., 1926.

²⁹ На раннем этапе византийской истории императорская корона имела крест в очелье. См.: Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Екатеринбург, 1989. С. 208.

³⁰ Ps.-Kod. P. 229.21; 231.19–21; 232.14–16.

³¹ См. комментарий Ж. Верпо: Ps.-Kod. P. 143, п. 3.

³² Ps.-Kod. P. 203.5.

³³ Ibid. P. 195. 16; 212. 20–21.

³⁴ Ibid. P. 195. 18–20. См.: Кондаков Н. П. Очерки и заметки... С. 221.

³⁵ Ps.-Kod. P. 195. 11–13.

³⁶ Ibid. P. 142–143.

³⁷ Поляковская М. А., Чекалова М. А. Византия: быт и нравы. С. 206.

³⁸ Ps.-Kod. P. 333.20.4–8.

Наряду с рухом следует назвать каввадий³⁹. Он представлял собой платье с длинными, застегивающимися донизу полами, по всей вероятности, восточного происхождения⁴⁰. Каввадий император всегда носил с таким головным убором, как фиал⁴¹. Фиал, по определению Н. П. Кондакова, напоминал фонтан из перьев и драгоценных камней. От такого венца, покрытого гроздьями рубинов и сапфиров, тянулись вверх тонкие, вогнутые внутрь лучи из листового золота. К матерчатой подкладке обруча прикреплялись с двух сторон по шесть перьев, также согнутых внутрь⁴².

Такой наряд из императорского гардероба как эпилурик сочетался с головным убором, называемым факеолидой. Эпилурик – одежда из шелка или хлопка наподобие камзола, имеющая по преимуществу военное назначение⁴³.

Псевдо-Кодином далеко не всегда называется цвет одежды. Как уже отмечалось, предпочтительными были пурпурный и золотой цвета. Однако, в зависимости от случая, василевс мог носить одежды других цветов. Например, на фреске Беноццо Гоццолли Иоанн V Палеолог одет в зеленый ездовой кафтан с декором из шитых золотом флеронов⁴⁴. Мануил II Палеолог как на приеме, оказанном ему французским королем, так и во время поездки в Англию был облачен в белое шелковое одеяние⁴⁵.

В наши задачи не входило уточнение всех деталей церемониальных одежд византийского василевса в XIV в. Но думается, что тот зрительный образ правителя, который можно воссоздать по материалам обрядника, дает (и давал!) основание для яркого впечатления. Разумеется, что в понятие «зрительные впечатления» должны быть включены не только одеяния императора, но и многоцветие костюмов сановников, присутствовавших на церемониях, и роскошь конных выездов, и интерьеры приемных залов дворца, и богатое убранство храмов, и праздничные одежды священников, и блики золотых священных сосудов, канделябров, окладов икон, и трепетный свет многих свечей.

Поскольку одежда носителей названных титулов была определенным кодом⁴⁶ характеристики сановников, отличительным знаком их места в придворной иерархии, обратимся к содержащемуся в обряднике описанию парадных одеяний придворной элиты.

Парадным платьем представителей знати, в отличие от всех остальных архонтов, была туника-рух красного, как у императора, цвета⁴⁷. Среди других одежд деспота в обряднике назван каввадий, кафтанобразное платье, носимое и другими архонтами. У деспота каввадий был фиолетового или алого цвета с украшениями, выполненными жемчужной вышивкой⁴⁸. По обряднику, в гардеробе сановников, входящих в высший разряд иерархической лестницы, названо и та-

³⁹ См. комментарий Ж. Верпо: *Ps.-Kod.* P. 146, n. 1.

⁴⁰ *Kondakov N. P.* Les costumes orientaux à la cour byzantine // Byz. 1924. Vol. 1. P. 48.

⁴¹ *Ps.-Kod.* P. 200.6-7; см. также: 203.5; 225.19.

⁴² *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки... С. 260.

⁴³ См. комментарий Ж. Верпо: *Ps.-Kod.* P. 158, n. 1.

⁴⁴ *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки... С. 259.

⁴⁵ *Васильев А. А.* Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399–1403). СПб., 1912. С. 30.

⁴⁶ *Ball J. L.* Byzantine Dress: Representations of secular Dress in Eighth-to Twelfth-Century Painting. New York, 2005. P. 2.

⁴⁷ *Ps.-Kod.* P. 143.2-5.

⁴⁸ *Ibid.* P. 146.2-5.

кое верхнее платье, как тампарий⁴⁹. У деспота он был алым с орнаментом в виде галунов⁵⁰. Псевдо-Кодин оговаривает, что ему было неизвестно, каким был тампарий севастократора и кесаря⁵¹.

«Опознавательным» знаком достоинства представителей элиты было однако не платье, а прежде всего головной убор, причем не столько его тип, сколько отделка. Деспот, также как севастократор и кесарь, носили обычно скиадей⁵², шапку с небольшими, поднятыми вверх полями и с матерчатым верхом⁵³. Скиадей деспота-сына императора был полностью покрыт жемчугом, а на аире⁵⁴ было вышито золотыми нитями имя обладателя титула. Скиадей деспота-зятя, алый или золотой, был украшен вышитыми жемчугом крестами по всему кругу⁵⁵. Подвески на висках головного убора деспота напоминали подвески на императорской стемме (кроме узла и листьев пальмы)⁵⁶. Скиадеи севастократора и кесаря, золотые или алые, также имели подвески, как у деспота-сына⁵⁷. Заметим, что наличие жемчужных подвесок приближало обладателей головного убора к императору и отдаляло от всех остальных архонтов.

В праздничные дни деспот мог носить также такой головной убор, как скараник⁵⁸, представлявший собой высокую шапку цилиндрической формы⁵⁹. Скараник деспота имел золотой и серебряный орнамент, с драгоценными камнями и жемчугом, вставленным в оправу⁶⁰. Каким был скараник севастократора и кесаря, как замечает Псевдо-Кодин, ему ничего не известно⁶¹.

Немаловажным элементом в «знаковой системе» придворного общества был цвет и декор обуви. Чулки деспота были красными, обувь – двухцветной⁶², фиолетовой и белой. По боковой части и на щиколотках его сапог-иподиматов были вышиты жемчугом орлы. Орлы, как отмечает Матфей Властарь, были также характерны для декора обуви севастократоров и кесарей как символ близости к ва-

⁴⁹ Слово *tamparion* имеет, по всей вероятности, итальянское происхождение. Как тип одежды тампарий четко не определен. Судя по фреске с портретом севастократора Калояна (церковь Бояна, София), это длинная подпоясанная туника из ткани с цветным рисунком. См.: *Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléologue. Acta Universitatis Upsaliensis. Figura Nova. Series 26. Uppsala, 1994. P. 103. Fig. 63.*

⁵⁰ *Ps.-Kod.* P. 143.5-6. Можно было бы перевести *μαργέλλιον* как «бордюр».

⁵¹ *Ibid.* P. 147.15; 148.1-2.

⁵² Этимологически это слово связано с функцией защиты от солнца. По новогречески *ἡ σκία* /– тень, *τὸ σκιάδι* – соломенная шляпа, *σκιάζω* – заслонять свет, затенять.

⁵³ Головным убором Иоанна VIII Палеолога в изображении на медальоне Пизанелло является, по всей видимости, скиадей (Kunsthistorisches Museum, Вена). См.: *Piltz E. Le costume officiel... P. 112. Fig. 10.*

⁵⁴ Видимо, это натянутый на проволочный каркас матерчатый верх («воздух») скиадея. См. комментарий Ж. Верпо: *Ps.-Kod.* P. 142, n. 1. Издатель с оговорками переводит *ὁ ἀήρ* как вуаль, что принято у Э. Пильтц. См.: *Piltz E. Le costume officiel... P. 92.*

⁵⁵ *Ps.-Kod.* P. 147.4-8.

⁵⁶ *Ibid.* P. 141.3–143.2.

⁵⁷ *Ibid.* P. 147.9-12; 148.22–149.2.

⁵⁸ Вопрос о предназначении скараника спорен.

⁵⁹ Форму и декор скараника можно видеть на фреске с изображением деспота Мистры Феодора I Палеолога (церковь Бронтохион, Мистра). См.: *Piltz E. Le costume officiel... P. 114. Fig. 12.*

⁶⁰ *Ps.-Kod.* P. 145.23–146.2.

⁶¹ *Ibid.* P. 147.1-2; 149.4-5.

⁶² Образец двухцветной обуви см.: *Piltz E. Le costume officiel... P. 108. Fig. 4–6.*

силевсу⁶³. У севастократора чулки и обувь (как и у кесаря) были голубыми⁶⁴. Когда Иоанн Кантакузин хлопотал о должностной карьере своих шуринов севастократоров Иоанна и Мануила Асаней, он просил у императора о красных чулках для них⁶⁵ (мы знаем, что братья Асаны, действительно, станут вскоре деспотами).

При описании в обряднике элементов костюма деспота постоянно подчеркивается – «как императорский» или «как императорские»⁶⁶. Одежда и венец севастократора сравниваются не с императорскими одеждами, а с соответствующим элементом наряда деспота⁶⁷. Кесарский же парадный наряд был ориентирован на одевания севастократора⁶⁸. Таким образом, внутри элиты была своя иерархия, подчеркиваемая деталями костюма. Деспот-сын был ближе всего к василевсу не только по статусу и по родству, но и по одежде.

Если бы мы вспомнили здесь о всех чинах иерархии, то это был бы последовательный перечень соответствующих чину головного убора, платья и жезладиканикия. Эти детали составляли семантическую систему в жизни двора, являясь также неперменным «dress codes».

Убедившись, что интерьер и костюм имели немаловажное значение для функционирования «театра власти», обратимся к исполнителям ролей. Несомненно, главная роль в «спектаклях» принадлежала императору, основной функцией которого была презентация власти. Чем ближе к престолу находился придворный, тем значительней была его роль в сценическом действии. Вся эта 80-ступенчатая лестница архонтов с их большими или меньшими функциями (или без оных) составляла основу всех церемониальных «спектаклей»: здесь были и «главные герои», и лица «на вторых ролях», и «массовка». Архонты второго разряда в основном играли роль «статистов», к тому же не всегда принимали участие в самых торжественных актах. Зачастую они представляли такую категорию, как «народ», если это требовалось по церемониальной ситуации.

В эпицентре византийского церемониального пространства находилась фигура императора, через которого транслировалась императорская идея и идеал империи. Ритуал коронования возносил василевса на уровень божественности, придавая ему недостижимую харизму. Но эта сверхзначимость образа императора не могла быть определена актом коронования на продолжительное время. Пребывание у власти требовало каждодневного подтверждения значимости василевса: правитель во имя власти оказывался «заложником» церемониала. Буквально любой церемониальный акт был сориентирован на императорский образ и служил средством перманентного обновления репрезентативных впечатлений, должных сохранять идею великой империи.

В арсенале церемониальных методов наивысшего воздействия на окружение (от участников действия до его зрителей) были, прежде всего, ритуалы «явления» императора, его «возвышения» и «отдаления».

Обращаясь непосредственно к «церемониальным спектаклям», выберем из них лишь несколько. Этот отбор чрезвычайно труден, ибо «театр» был не только каждодневным, но и почти круглосуточным. Некоторые ритуалы начинались среди ночи (по нашему счету времени примерно в 3 часа).

⁶³ *Ps.-Kod.* P. 320.9-12.

⁶⁴ *Ibid.* P. 147.1-2; 143.3.

⁶⁵ *Ibid.* P. 147.16–148.3.

⁶⁶ *Ibid.* P. 142.2–143.1; 144.7; 145.1.3-4.7-8.

⁶⁷ *Ibid.* P. 147.11-12; 148.2-3.6.9.

⁶⁸ *Ibid.* P. 143.23–149.1.9.13-4.

Одной из наиболее ярких церемоний, служивших цели презентации императорской власти и создания высокого образа василевса, был, несомненно, прокиписис⁶⁹, некое театрализованное «явление» императора. Ж. Верпо назвал прокиписис остатком «солнечной церемонии» и «ритуала поклонения»⁷⁰.

Восстановим церемонию «явления» императора, следуя тексту обрядника Псевдо-Кодина. Накануне Рождества во дворе Влахернского дворца⁷¹ устанавливалось специальное возвышение – прокиписис, представлявшее собой некую сцену, пол которой опирался на столбы. Все это строение, вместе с помещением, где василевс мог передоиться, было декорировано тканями, а сама сцена имела завесы.

Преамбулой церемонии являлось постепенное заполнение пространства площади. После праздничной литургии начиналось движение в сторону возвышения. Первыми выстраивались непосредственно перед прокиписисом группы архонтов⁷², держащих в руках императорские фламулы⁷³. Это были парные хоругви; Псевдо-Кодин называет шесть пар таких стягов – с изображениями архистратига Михаила, святых иерархов, св. мучеников Димитрия, Прокопа и двух Феодоров, св. Георгия, дракона, императора верхом на коне⁷⁴. Фламула с изображением святых иерархов имела восемь языков и называлась поэтому *oktapodion*. Хоругвь с изображением четырех святых имела форму креста. Многие из этих фламул были традиционными, прежде всего фламула с драконом. Во всяком случае, в X в. упоминаются драконарии как отдельный чин⁷⁵. В целом, традиция выноса знамен являлась неслучайной при всякой торжественной процессии и церемонии как в Позднем Риме, так и в Византии различных эпох⁷⁶.

Перед рядом групп архонтов с фламулами стоял skuteryi, в обязанности которого входило ношение в торжественных случаях, в том числе и при церемонии прокиписиса, дивеллия⁷⁷. Дивеллий, по комментарию Ж. Верпо, был личным знаком василевса⁷⁸. Позади императорских фламул были видны фламулы деспотов и архонтов; завершающим рядом были фламулы димархов, формально бывших главами городских организаций (пожалуй, к этому времени уже исчезнувшими)⁷⁹.

Вид отрядов архонтов с фламулами перед прокиписисом был, по всей вероятности, весьма впечатляющим зрелищем как по своей яркости (драпированное красной тканью строение, многокрасочные костюмы архонтов, разнообразное по колору и форме фламулы), так и по его многолюдности. Псевдо-Кодин замечает, что раньше за каждой из фламул (а их было не 12, а 500) стоял отряд в шесть ты-

⁶⁹ *Πρόκλις* – от *προκίπτω* (показываюсь, являюсь).

⁷⁰ *Ps.-Kod.* P.171, n. 1. См. также: *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 112; *Dagron G.* Trônes pour un empereur // *Buzantio kratotj kai koinwnia.* Mnhmh Nikou Oikonomidh. Aqhna, 2003. P. 181.

⁷¹ *Guilland R.* Mélanges Merlier. Athen, 1956. Vol. I. P. 36.

⁷² М. А. Андреева заметила, что архонтов, державших царские фламулы, сопровождали «отдельные отряды воинов» (С. 158). Видимо, имеются в виду отряды дворцовой стражи, о которых Псевдо-Кодин пишет несколько позднее. См.: *Ps.-Kod.* P. 197.

⁷³ *Ps.-Kod.* P. 195.29.

⁷⁴ *Ibid.* P. 195.31–196.11.

⁷⁵ *Беляев Д. Ф.* Ежедневные и воскресные приемы... С. 12, 70, 71.

⁷⁶ Там же. С. 70–71, прим. 1.

⁷⁷ *Ps.-Kod.* P. 196.13–15.

⁷⁸ *Ibid.* P. 183, n. 2. Ж. Верпо предостерегает от возможности идентифицировать дивеллий с *labarum*, государственным знаменем Рима, введенным Константином I Великим.

⁷⁹ *Ps.-Kod.* P. 196.28–33.

сяч человек⁸⁰. В описанное Псевдо-Кодином время перед прокипсисом собиралось по меньшей мере до тысячи человек: церемониальное пространство при Палеологах значительно сократилось.

После завершения литургии, как только василевс покидал церковь и направлялся к прокипсису, духовенство в праздничных одеяниях вставало перед хоругвями. Между рядов архонтов с фламулами и духовенством появлялись музыканты – трубачи, вукинаторы, играющие на духовом инструменте, цимбалисты и флейтисты⁸¹.

Одновременно с приближением к трибуне василевса высокие чины архонтов в своих праздничных нарядах занимали места около нее в соответствии со своим рангом – так, как они встают во время приема в Триклинии⁸². Около колонн прокипсиса встают варанги – один из отрядов императорской стражи. Стражники – кортинarii стояли у самого помоста: их роль была подчеркнута декоративной, т.к. одежда стражников была сшита из той же красной ткани, которой был обит прокипсис⁸³.

Как только участники церемониала занимали свои места в соответствии с ритуалом, начиналась сама церемония прокипсиса, который можно назвать трехактным спектаклем. Каждый акт начинался в соответствии с тем церемониальным жестом – взмахом пилатикиев, которые держал в правой руке протовестиарий. М. А. Андреева, вслед за Гоаром, определяет пилатикии как «род флажка, привешенного к палочке, *une banderolle...*»⁸⁴. Псевдо-Кодин ведет происхождение пилатикиев от времен Древней Персии, эллинистической Греции и Древнего Рима⁸⁵.

Первому взмаху пилатикиев предшествовал момент, когда василевс поднимался на трибуну вместе с деспотами и лампадарием, несшим золотой дивампул, канделябр с двумя ответвлениями и большой свечой, украшенной киноварью, с золочеными листьями посередине и красными крестами в кругах⁸⁶. Поднимающегося по ступеням императора приветствовали только варанги, вскинувшие свои секиры на плечо⁸⁷. Поскольку ступени помоста были драпированы тканью, ног восходящего на «сцену» императора не было видно: создавалось впечатление, что он не ступает, а возносится. Как только василевс поднимался на прокипсис, спускался занавесы, что было завершением подготовительного этапа ритуала.

Протовестиарий, взмахнув флажком, оповещал о начале церемонии, первый этап которой проходил за закрытыми занавесами. В специальном месте постройке находилась заранее доставленная императорская одежда, и протовестиарий, принимая ее из рук служителя, помогал василевсу облачиться в праздничный костюм и возложить на его голову стемму. Подобная процедура переодевания

⁸⁰ *Ps.-Kod.* P. 196.17-21.

⁸¹ *Ibid.* P. 197.14-17. Затруднительно утверждать, что в музыкальном фоне церемонии звучал орган, т.к. Псевдо-Кодин пишет о “*τῶν λεπτῶν ὀργάνων*”, что может быть переведено как «маленькие органы». Но слово “*τὰ ὄργανα*” означает прежде всего любой музыкальный инструмент. Ж. Верпо переводит это слово во всех фрагментах именно как «музыкальные инструменты». См.: *Ps.-Kod.* P. 172.12.17; 197.18; 203.25.28; 204.13; 297.2; 401 (Index).

⁸² *Ibid.* P. 197.19-21.

⁸³ *Ibid.* P. 180.24–181.1.10-19.

⁸⁴ Андреева М. А. О церемонии «прокипсис». С. 162.

⁸⁵ *Ps.-Kod.* P. 204.25 – 206.8.

⁸⁶ *Ibid.* P. 191.10-16.

⁸⁷ *Ibid.* P. 297.23-28.

была традиционной и всегда сопутствовала праздничным выходам императора. Тот факт, что переодевание василевса стало первым актом «явления», еще раз свидетельствует о значимости костюма в церемониальном пространстве.

Далее наступал второй этап церемонии прокипсиса: протовестиарий вновь взмахивал пилатикиями⁸⁸, занавесы медленно раскрывались – и император представлялся в своем торжественном одеянии, с крестом в правой руке и с акакией – в левой⁸⁹. Сын императора, иногда присутствовавший на церемонии, также был в императорской одежде, если он был уже коронован как соправитель; в противном случае, он был в обычной одежде, украшенной драгоценными камнями и жемчугом, и с венцом на голове. Император был виден собравшимся, начиная с колен (видимо, он стоял на возвышении), а деспотов было видно только по груди. На этом этапе «явления» император как образ власти представлял в окружении деспотов, правящей элиты империи. Крест в правой руке василевса символизировал святость власти и империи; акакия же, мешочек из шелка, связанный с платком и наполненный землей, прахом, был знаком смирения правителя и бренности человеческой жизни⁹⁰. Короткий миг «явления» завершался падением занавеса.

Далее по знаку флажка протовестиария ткань снова поднималась и наступал доминантный момент церемонии прокипсиса. Взорам свидетелей акта представлял император – один, без сановников и родственников. Видны были лишь большая горящая свеча и меч императора, но те, кто их держал, оставались вне поля зрения⁹¹. В этом «явлении» император представлял как защитник и победитель (меч), а горящая свеча символизировала свет добрых дел во имя Христа. Псевдо-Кодин приводит слова из Евангелия⁹²: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного»⁹³.

Одновременно с открытием занавеса, когда «явление» василевса становилось апофеозом церемонии, певчие запели многолетие, музыканты заиграли на своих инструментах, пока василевс не остановил последних медленным взмахом платка⁹⁴. Лишь певчие продолжали петь – это были стихи на праздник Рождества, а также прославления в адрес василевса. Затем следовала эвфимия в честь императоров и деспотов, завершающаяся исполнением псалтами полихронией. Псевдо-Кодин замечает, что прославление продолжалось «достаточное время», но вряд ли эта часть церемонии затягивалась надолго, т.к. «явление» императора было некоей живой «картинкой», остановленным «кадром», а пение, музыка, прославляющие возгласы и пожелания многолетия было тем аудиофоном, который был призван усилить зрительное впечатление от «явления» императора, когда время на несколько мгновений останавливалось. Церемония прокипсиса проводилась только по самым большим праздникам, что еще более поднимало значимость церемонии, когда василевс как победитель и защитник представлял перед тысячной толпой – в ней были как участники церемонии, так и обычные зрители, многие месяцы (а может быть, и годы) ждавшие возможности лицезреть правителя.

⁸⁸ *Ps.-Kod.* P. 202.16-17.

⁸⁹ *Ibid.* P. 202.25-29.

⁹⁰ О возможных интерпретациях акакии см. в комментарии Ж. Верпо: *Ibid.* P. 201, n. 2.

⁹¹ *Ps.-Kod.* P. 203.13-24.

⁹² Матф. V. 16.

⁹³ *Ps.-Kod.* P. 202.10-14.

⁹⁴ *Ibid.* P. 203.24-31. Платок-мандилий был связан с мешочком-акакией.

К «спектаклям власти», рассчитанным на широкую аудиторию, относится и ритуал поднятия василевса на щите на площади Августеон, расположенной между Большим дворцом и храмом Св. Софии. Поднятие императора на щите предшествовало ритуалу его коронования в храме⁹⁵. Псевдо-Кодин так описывает ритуал поднятия василевса на щите: «...нового императора, посаженного на щит, поднимают вверх, чтобы он был виден стоявшей вокруг толпе. Василевс-отец инаугурируемого, если он жив, также как патриарх, держит переднюю часть щита; боковые стороны и задняя часть (щита) поддерживаются высшими сановниками, а именно деспотами, севастократорами, кесарями, если у них имеется чин, и менее благородными из архонтов. Если у василевса нет более отца, передняя часть щита удерживается патриархом и наиболее важными из сановников или чинов, задняя часть – теми, о ком мы говорили. В то время, как народ и армия приветствуют его в знак единодушного избрания, он, спустившись со щита, сопровождается в храм Св.Софии, где он должен быть коронован»⁹⁶.

Заметим, однако, что поднятие на щите в эпоху Палеологов приобрело в некоторой степени «декоративный» характер. Ритуал был рассчитан на репрезентативные впечатления большого количества людей, собравшихся на площади Августеон перед входом в главный храм столицы. В значительной степени сам момент появления василевса на площади становится особенно праздничным, будучи сопровождаемым раздачей народу денег. Псевдо-Кодин так описывает эту ситуацию: «Перед появлением императора один из синклитиков (сенаторов. – М. П.), которому император это приказывает, бросает в народ так называемые эпикомпии. Поступают следующим образом. Отрезают куски ткани, которыми обматывают по три золотых номисмы, столько же серебряных монет и три обولا, а потом их кидают в толпу. Бросают такое число тысяч этих полосок, которое предписано императором. Принято бросать эпикомпии на паперти Великой Церкви, то есть в том месте, которое называют Августеон. Разбрасывающий их стоит на верхних ступенях Августеона»⁹⁷.

«Спектакль» инаугурации завершался торжественным обедом в императорском дворце. В последующие десять дней василевс в окружении знати выезжал в другие дворцы столицы. Выезды вновь сопровождалась разбрасыванием эпикомпиев, что приводило в восторг толпу. По Псевдо-Кодину, «смысл этой раздачи денег заключается в желании василевса, чтобы все архонты, армия и народ радовались, ели и пили за счет императора»⁹⁸.

Другой формой презентации власти императора, помимо прокипсиса, было «возвышение» его на анавафре⁹⁹ – ступенях, драпированных красной тканью, специально строившихся в храме или дворце к определенному праздничному случаю (в отличие от прокипсиса – сцены, возводимой на площади). При анавафре, как и при прокипсисе, имелось помещение для переодевания василевса в особо праздничный костюм. Рассмотрим сюжет возвышения в связи с ритуалом коронации императрицы (входившим в общий контекст коронации василевса).

В ходе коронационного ритуала император с императрицей и родителями (если они были на церемонии) сидели на тронах, поднятых на высоту примерно десяти – двенадцати ступеней, чтобы быть видимыми собравшемуся в храме народу. Существовал соответствующий протоколу порядок, когда император и со-

⁹⁵ Поляковская М. А. Поздневизантийский чин коронования василевса (в печати).

⁹⁶ *Ps.-Kod.* P. 255.20–256.20.

⁹⁷ *Ibid.* P. 255.1–19.

⁹⁸ *Ibid.* P. 271.17–24.

⁹⁹ Анавафра – от *ἀναβαίνω* (поднимаюсь, восхожу).

путствующие ему члены императорской семьи должны были спускаться, вновь подниматься на анавафру (несколько раз в ходе ритуала) или, не спускаясь, вставать¹⁰⁰.

При возложении патриархом стеммы на голову коронуемого василевса под трехкратные возгласы «Достоин!» – коронуемый, спускаясь с амвона, короновал сам свою супругу (если он женат). Василиса, сопровождаемая с двух сторон близкими родственниками (или евнухами, если нет родственников), подходила к солее, и василевс надевал на ее голову стемму, полученную из рук патриарха¹⁰¹. Кульминационным моментом коронации императрицы являлся, несомненно, следующий. После возложения императором стеммы на голову новой василиссы «она тотчас опускается на колени перед василевсом, ее мужем, словно признаваясь через проскинизу, что она зависима от него и подчиняется ему»¹⁰². После поклона-проскинизы императрицы, демонстрирующей почтение супругу, и прочитанной патриархом молитвы царственные особы занимали места на анавафре, при этом василевс держал крест, а василисса – золотую пальмовую ветвь (вайю), украшенную драгоценными камнями и жемчугом. При звучании гимна Трисагион, как и при чтении текстов Посланий апостолов и Евангелия, коронованные особы вставали со своих мест на анавафре¹⁰³.

Наряду с анавафрой для коронуемых императора и императрицы, по обе стороны храма специально для обряда коронования строились деревянные анавафры для певчих, domestikов и чтецов (с древних времен называемых *κράχται*), исполнявших соответствующие ритуалу песнопения¹⁰⁴. При этом, стоя на анавафрах, они держали три копия, имеющих деревянные обручи с висящими на них красными и белыми шелковыми тканями, которые позднее, при возвращении императора во дворец, будут нести перед ним¹⁰⁵.

После раздачи народу антидорона – освященного хлеба (что входило в коронационный ритуал) новый василевс с супругой, с василевсом-отцом и василисой-матерью снова поднимались по ступеням на помост, закрытые сначала от взоров златоткаными драпировками. Затем при возгласах «Восстаните! Восстаните!» занавеси снова раздвигались, чтобы все могли лицезреть коронованных особ¹⁰⁶. Возглас «Восстаните!» равноценен обращению к солнцу: «Взойди!» Это делает описываемую «реплику» ритуала актом теофании – прославления и обожествления василевса. С завершением церемонии «явления» собравшимся василевсы с василиссами направлялись верхом на конях (остальные шли пешком) во дворец, где начинались десятидневные пиры¹⁰⁷.

В пределах Влахернского дворца, помимо регулярного утреннего сбора всех архонтов двора, приема иностранных послов, праздничных ритуалов, значительное внимание уделялось таким «спектаклям», как инвеститура (введение в должность). Рассмотрим сценарную канву подобного спектакля на примере введения в должность самого высокого чиновника – деспота. Инвеститура происходила в главном, тронном, зале дворца – Триклинии, что, несомненно, также свидетельствовало об элитарном статусе посвящаемого. Императорский трон к началу це-

¹⁰⁰ *Ps.-Kod.* P. 259–262.

¹⁰¹ *Ibid.* P. 261.4–21.

¹⁰² *Ibid.* P. 261.24–28; 355.24.

¹⁰³ *Ibid.* P. 262.24–28.

¹⁰⁴ *Ibid.* P. 262.28 – 263.9.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 263.9–14.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 269.2–25.

¹⁰⁷ *Ibid.* P. 271–272.

ремонии был отделен от остального пространства зала занавесом из золотого шелка. Василевс назначал высокопоставленных архонтов (из числа тех, кто носил красные скараники), чтобы облачить деспота в фиолетовый или алый каввадий, расшитый жемчугом, и двухцветную обувь. Перед началом инвеституры василевс в парадном одеянии, со стеммой на голове, выходил из своей комнаты и при уже раскрытом занавесе направлялся к своему трону. После обязательной для парадных ситуаций полихронии в адрес восседающего на троне императора архонты подвели деспота к трону. Василевс, встав, обращался к деспоту со словами: «Мое величество приветствует тебя, деспот»¹⁰⁸. Далее снова звучали слова пожелания долгой жизни. После приветствия деспот целовал, склонившись, ногу василевса. Как только он вставал, император надевал на голову посвящаемого венец, украшенный драгоценными камнями и жемчугом. Венец имел четыре небольшие арки (впереди, сзади и по бокам), если возводимый в должность был сыном императора. Если же это был зять, то в венце была только одна арка (впереди) – и он назывался стемматогирием¹⁰⁹. После возложения венца снова звучала полихрония, занавес закрывался. Император возвращался в свою комнату, а деспот, сопровождаемый всеми архонтами, верхом на коне, направлялся в свой дом.

Наряду с проходившими во Влахернском дворце яркими и пышными спектаклями, требовавшими большого количества исполнителей церемониальных ролей, а также присутствия «статистов», игравших роль зрителей, существовали и «камерные спектакли», рассчитанные не столько на зрительское восприятие, сколько на осознание, что «действие» идет совсем рядом, но за закрытыми дверями, а это несло в себе магическую силу тайны и сопричастности с ней. К подобным спектаклям можно отнести проводивший идею святости императора сценарий омовения, проходившего в Великий четверг Страстной недели¹¹⁰.

В императорскую комнату приводили двенадцать бедняков – по числу учеников Христа. До этого их «подготавливали» (вероятно, мыли), надевали на них нательные рубашки, нижние штаны и башмаки. Находившийся перед дверью императорской комнаты протопапа давал благословение и начинал читать отрывок из Евангелия. Когда он произносил слова «влил воды в умывальницу»¹¹¹, император наливал воду в ковш. Затем подвели одного за другим бедняков, держащих в руках зажженные свечи. Каждый – один за другим – садился, и протопапа читал текст Евангелия, где говорится «и начал Иисус мыть ноги своих учеников»¹¹². Эта процедура повторялась столько раз, пока не были все омыты. Василевс мыл правую ступню каждому, вытирал ее тканью, повешенной перед ним, а затем целовал ступню. В завершение церемонии каждому из бедняков вручалось по три золотых монеты. После этого начиналась литургия. Эта церемония зафиксирована только в обряднике XIV в.: в «Книге церемоний» ее нет¹¹³. Подобную процедуру можно наблюдать в европейских государствах эпохи абсолю-

¹⁰⁸ *Ps.-Kod.* P. 274.2. Псевдо-Кодин замечает, что василевс стоя назначал на любую, даже самую незначительную, должность, что свидетельствует о значимости императорской службы. См.: *Ibid.* P. 274.28–275.2.

¹⁰⁹ Слово «стемматогирий» является соединением двух слов: «στέμμα» (венец василевса) и «γύρος» (круг, окружность). См.: *Ps.-Kod.* P. 275, п. 1.

¹¹⁰ *Ibid.* P. 228.10 – 229.20.

¹¹¹ Иоанн. 13. 5.

¹¹² Там же. Порядок слов в обряднике немного отличается от текста русского Синодального издания.

¹¹³ *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 127. A. 12.

тизма, когда иератические признаки власти заметно усилились. Так, Елизавета I Тюдор соблюдала обряд омовения ног в Чистый четверг Страстной недели¹¹⁴. В этот день королева в голубом платье опускалась перед специально собранными старыми больными женщинами, сидящими на скамьях, омывала каждой из них ноги в серебряном тазу с ароматизированной водой и цветами, вытирала их полотенцем, целовала ступни и осеняла крестным знаменем. После этого каждая из этих бедных женщин получала отрез сукна на платье, туфли, еду, стакан вина и кошелек с медными монетами.

Завершая этим ритуалом примерную «афишу» придворных «спектаклей», автор статьи осознает, что заявленный выше вопрос о ролевых функциях и репликах затронут лишь вскользь, по ходу описываемых «спектаклей». Но это оставляет ему возможность осветить эти немаловажные моменты в одной из следующих статей.

В итоге заметим, что «театр власти» существовал всегда – как только появилось государство. Разумеется, этот ритуальный институт зависел от эпохи, а также от региональных и этнических параметров культуры страны. «Театр власти» существует и поныне, приобретя лаконичность и внешнюю сдержанность современной цивилизации. Но немногочисленные «спектакли» – инаугурация правителя, этикет приема иностранной делегации – с лихвой восполняются возможностями информационной системы нынешнего века. Различные политические «экшны», доносимые до зрителей телевидением, являются порой более мощным средством презентации власти, чем изобилие золотого декора в интерьерах и костюмах императорского дворца.

¹¹⁴ Дмитриева О. В. Сотворение божества: Сакрализация культа Елизаветы I Тюдор // СВ. 1995. Т. 58. С. 159–160.